

УДК 930

ОФИЦИАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ МОРАЛЬНОГО ДУХА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

© 2009 С.С. Шерстнев

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

Поступила в редакцию 16.06.2008

В данной статье автор рассматривает состояние морального духа русской армии в Маньчжурии во время русско-японской войны 1904 - 1905 гг. Проанализировав документы РГВИА и ОР РГБ, можно констатировать, что зачастую наблюдается несоответствие данных между официальными документами и воспоминаниями участников войны. В целом моральный дух русской армии был довольно высок. Но в большинстве случаев войска действовали без веры в успех, а лишь во имя долга и патриотизма. Личная доблесть русской армии и героизм солдат и офицеров не могли изменить общий ход кампании.

Ключевые слова: героизм, духовный потенциал, мемуары, моральный дух, патриотизм, русско-японская война.

История многочисленных войн и военных конфликтов убедительно свидетельствует, что победа в сражениях куется не только силой оружия, но и силой несгибаемого морального духа войск. По своей сущности моральный дух представляет собой специфическое состояние общественного сознания, характеризующееся способностью и готовностью личного состава добиться выполнения поставленных целей и задач при максимальном напряжении духовных и физических сил.

Моральный дух, составляя своего рода стержень духовных сил армии, формируется в результате взаимодействия всех форм общественного сознания, и в первую очередь – политического и нравственного, поскольку в них наиболее рельефно и глубоко выражено отношение народа и армии к войне. Такое отношение воплощается, в конечном счете, в мужестве, отваге, самоотверженности воинов или, напротив, в трусости, малодушии, неспособности выполнять боевые и другие задачи. Моральный дух армии – категория сложная и переменная. Его состояние зависит от целой совокупности факторов и условий, которые определяют характер его проявления, силу, интенсивность, действенность влияния на ход и исход боевых действий. На основе изучения источников нам предстоит охарактеризовать состояние морального духа русской армии в русско-японскую войну.

Под официальными оценками понимаются рапорты, донесения, телеграммы из действующей армии. Кроме того, сюда необходимо включить приказы по армиям, отрядам, полкам и т.д. Лично-

стные оценки представляют собой воспоминания участников войны в дневниках, записках и прочее.

Моральный дух наиболее полно выражается в двух факторах: 1) реализации духовного потенциала в конкретно-исторических условиях; 2) вера в успех кампании, сражения, а также вера в командиров. Примером, где нашли применение оба фактора, является бой на реке Ялу. Это единственный пример во всей русско-японской войне, где взаимодействуют оба этих фактора. Именно здесь закладывался фундамент всех наших будущих неудач и успехов нашего противника. В этом бою русские войска сделали все возможное, чтобы не посрамить Отечество. Об этом наглядно свидетельствуют донесения командира отряда генерала Засулича и командира 3 восточно-сибирской стрелковой дивизии генерала Капштинского: “В этом тяжелом бою все чины Тюренченского отряда вели себя согласно долгу и присяге. Пехота и артиллерия соперничали в умении умирать”¹. Особенно знаменательна в этом бою атака на перевал 3 батальона 11 полка с хором музыкантов. Священник с крестом благословил батальон и под музыкальный марш батальон под страшным огнем двинулся в атаку на перевал, теряя убитых и раненых². За этот бой священник 11 восточно-сибирского стрелкового полка Стефан Щербаковский 27 ноября 1904 г. был пожалован орденом Св. Георгия 4 степени.³

Бой на реке Ялу показал, что моральный дух русской армии является высоким. Видно, что войска все силы и мужество отдали ради победы, но этого оказалось мало, так как численное превосходство было на стороне японцев, к тому же невразумительные действия командования, заставили Восточный отряд под командованием генерала М.И. Засулича отступить.

*Шерстнев Сергей Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории и археологии.
E-mail: sherstnev.sergei@mail.ru*

Особо подчеркнем: в сложившихся условиях именно множественные факты реального патриотизма и героизма, проявленные офицерами, стали важнейшим фактором сдерживания негативных тенденций в армейской среде, а также в укреплении морального духа офицеров и солдат. В боевой обстановке, осложненной снижением патриотических настроений в войсках, главным методом воспитания была сила личного примера. Особенно это широко проявилось в казачьих войсках. Можно сказать, что в ходе войны офицер и казак породнились, стали братьями и составили одну могучую, сильную духом семью. Казачий офицер не мог не вести казаков в атаку за собой, отсюда относительно большие потери в офицерском составе казачьих частей. Соискателем был произведен подсчет потерь офицерского состава казачьих частей: так, за первые месяцы боев «с 3 июня по 25 августа 1904 г. в дивизии было ранено 9 офицеров, 3 пропали без вести».⁴

В качестве примера проявления патриотизма, а также единения солдат и командиров можно привести донесение штаба 5 восточно-сибирской дивизии командиру 2 Сибирского корпуса: «в бою под Ляояном 19 – 21 августа на долю 17 восточно-сибирского стрелкового полка выпал трудный участок с опорным пунктом – фортом № 4, что являлось одной из ключевых позиций. Командир полка полковник Ржепецкий именно этот форт и выбрал для своего местопребывания. Защитниками форта были 2 роты и 3 пулемета. Пять, раз японцы атаковали форт силами не меньше 9 батальонов, но каждый раз были отбиты. Присутствие полковника Ржепецкого непрерывно за все время обороны форта, несомненно, имело существенное влияние на бодрость духа гарнизона»⁵.

После поражений на реке Ялу и Вафангоу вся русская армия была сильно утомлена физически, что, в свою очередь, не могло не действовать на нравственную и психическую сторону людей. Сходные и взаимодополняемые точки зрения по данному вопросу являются у командира 17 армейского корпуса генерала А.А. Бильдерлинга и дивизионного врача 35 пехотной дивизии В.П. Кравкова. Они оба указывают на страшную жару, что масса нижних чинов падает от теплового и солнечного удара⁶. Но затем у них начинаются некоторые расхождения относительно будущего войны. А.А. Бильдерлинг в своем письме от 25 июля 1904 г. генералу А.Н. Куропаткину с оптимизмом смотрит в будущее: «после отдыха, втянувшись в работу войска, оправятся физически, окрепнут нравственно, а первые удачи обратят их в несокрушимую силу»⁷. В.П. Кравков в своем дневнике, наоборот, несколько обреченно смотрит в будущее⁸.

Можно сказать, что с самого начала войны русская армия ждала решительного генерально-

го сражения под Ляояном как награды за терпение, за ряд бесплодных жертв и напрасных героических усилий. Если что и поддерживало войска, так это именно сближение с Ляояном, ожидание боя под ним и вера в победу, после которой русская армия перейдет в наступление. Поэтому в ходе отступления русские войска показывали чудеса храбрости и героизма. Каждая пядь земли доставалась японцам с большими потерями и с невероятным трудом. Из донесения командира Енисейского пехотного полка командиру 2 пехотной дивизии от 23 июля 1904 г.: «17 июля части 2 батальона Енисейского и 2 батальона Иркутского полка под сильным напором японских колонн начали отступление с позиции Саньяцяцзы к Симучену, а также под сильным огнем 3 японских горных батарей. Но в эту критическую для отступающих минуту наше отступление было поддержано огнем 2 батареи 5 восточно-сибирской артиллерийской бригады под командованием подполковника Чарекова. Этим отступлением сбитых японских батарей воспользовались наши части, которые, повернувшись обратно, перешли в наступление, заставив японцев отступить, и обратно заняли оставленные позиции»⁹.

После Шахэйской операции русская и японская армии вплоть до середины января 1905 г. не вели активных боевых действий. После поражений русская армия в период «зимнего сиденья» на реке Шахэ приводила части в порядок и подтягивала резервы. Вполне очевидным является то, что поражения под Ляояном и на реке Шахэ негативно сказались на моральном духе войск. Проведя анализ некоторых материалов ОР РГБ, можно утверждать, что описания состояния русской армии этого периода участниками войны являются противоречивыми и дающими полное несоответствие картины войны. Так, участник боев, дивизионный врач 35 пехотной дивизии В.П. Кравков в своем дневнике в октябре, ноябре 1904 г. указывает: «От непрерывных боев люди на позициях совсем выбиваются из сил, голодные, промерзшие, пламенно желающие лишь одного из двух; или быть ранеными, чтобы временно отдохнуть в лечебном заведении, или же совсем быть убитыми и вечно упокоиться... В воздухе висит ругань, брань и осуждение по поводу нелепых «действий» наших крупных военачальников. На лицах солдат замечается не уныние, а какое-то равнодушие»¹⁰.

Совершенно другую картину описывает прибывший в начале ноября в армию в должности старшего адъютанта в штаб 8 армейского корпуса М.С. Галкин. В своем дневнике он пишет, «что настроение в армии превосходное, что якобы у офицеров и солдат нет ни тени уныния или признаков упадка духа, что армия прекрасно снаб-

жена продовольствием и теплой одеждой”¹¹. На наш взгляд, данное противоречие в оценке морального состояния армии объясняется следующим образом. Дивизионный врач В.П. Кравков уже длительное время находился в армии, общался с солдатами и офицерами, сам неоднократно бывал на позициях и мог судить о боеспособности армии. М.С. Галкин только недавно прибыл в армию и, видимо, не полностью ознакомился с обстановкой и состоянием войск. Возможно, что в этих диаметрально противоположных оценках есть доля истины, и она находится где-то посередине.

Исследование мемуаров В.П. Кравкова и М.С. Галкина позволяет выявить еще один спорный вопрос. Речь идет о состоянии санитарной и хозяйственной части Маньчжурской армии. Ведь отлично воевать может только хорошо одетый, обутой, накормленный и здоровый солдат. Так в своих воспоминаниях от 27 – 28 декабря 1904 года М.С. Галкин отмечает, что в этой войне у русской армии есть два достоинства, которыми армия может гордиться: 1) войска великолепно одеты; 2) довольствие и санитарная часть поставлены безупречно, что даже в армии нет болезней¹².

Совершенно другую точку зрения мы находим у В.П. Кравкова. В его дневнике по данному вопросу имеется следующая запись: “Жалкий вид являют многие из солдат: за неимением валенок ходят в проносившихся дырявых сапогах, обернутых снаружи рваным тряпьем; поверх истертых и издерганных шинелей у них надеты легенькие китайские халаты”¹³. Следует учесть, что эта запись была сделана в конце ноября 1904 года, т.е. на месяц раньше, чем у М.С. Галкина. Вполне естественно, что за это время войска могли обеспечить продовольствием и теплой одеждой.

Кроме противоречий в оценке морального состояния армии, в данный период в мемуарах участников войны обнаруживаются некоторые противоречия между мемуарами и официальными документами о русско-японской войне. Так, в телеграмме от 14 декабря 1904 года государю императору командующий 3 армией генерал А.В. Каульбарс излагает свой взгляд на состояние морального духа армии: “Сегодня окончил объезд всех передовых позиций 3 армии, грозное русское “ура” за здоровье и благоденствие верховного вождя оглашало боевые позиции. Дух войск превосходный, переходить в тыл с боевых позиций никто не желает”¹⁴.

Но данный документ уже известный нам врач В.П. Кравков с категоричностью опровергает: “Большой несправедливостью грешит посланная от 14 декабря на Высочайшее имя телеграмма генерала Каульбарса о результатах объезда им войск 3 армии в тех местах, где он свидетельству-

ет о “неописуемом восторге”, - “превосходном духе” войск и что “переходить в тыл с боевых позиций никто не желает”¹⁵.

Текстологический анализ телеграммы генерала А.В. Каульбарса показывает, что его позиция о высоком моральном духе войск совпадает с вышеизложенной точкой зрения М.С. Галкина. Принимая во внимание некоторый субъективизм участников войны, тем более вызывает недоумение такая полярность в определении морального состояния войск – особенно между А.В. Каульбарсом и В.П. Кравковым, так как 17 армейский корпус, в котором служил дивизионный врач В.П. Кравков, входил в состав 3 армии генерала А.В. Каульбарса. С одной стороны, вполне возможен вариант, что генерал А.В. Каульбарс переоценил физическое и моральное состояние войск в угоду императору, чтобы показать, что армия предана государю и будет сражаться до победы. Или же он переоценил моральное состояние армии в силу личных внутренних причин.

С другой стороны, проанализировав мемуары В.П. Кравкова, можно констатировать, что в них наблюдается неприкрытый пессимизм, категоричность, а также присутствует некая тенденциозность. К тому же, будучи по профессии врачом, а не военным, на наш взгляд, он вполне достоверно не мог определить моральное состояние армии. К тому же, как показывает текстологический анализ его мемуаров¹⁶, часть сведений и информации были записаны с чужих слов, а значит, достоверность их становится еще меньше. Поэтому очень сложно определить, где правда, а где вымысел.

Анализ донесений командующего Маньчжурской армией А.Н. Куропаткина, а затем Н.П. Ливевича государю императору в 1905 году¹⁷ позволяет сделать некоторые выводы относительно состояния армии: 1) войска имеют здоровый и бодрый вид; 2) воинский дух в армиях хороший; 3) санитарное состояние войск также хорошее.

Действительно, моральное состояние Маньчжурской армии во время боев за Сандепу и в Мукденском сражении было на высоком уровне. В донесении императору от командующего 2 армией генерала Гриппенберга сказано: “Геройство войск в боях с 12 по 15 января (бои за Сандепу) включительно было выше всяких похвал, но потери значительны, особенно в офицерах. Несмотря на тяжелые бои в течение 4 суток подряд и большие потери, понесенные частями, войска 17 корпуса вполне бодры духом”¹⁸.

Но для победы одного высокого морального духа нижних чинов и младших офицеров мало. Необходимо также, чтобы и высшее командование верило в победу и в войска. Безусловно, на моральное состояние армии оказывало мощное влияние и неудачное предводительство войск ге-

нералом А.Н. Куропаткиным. Особенно сильно это проявилось после сражения под Ляояном, где победа над японцами, казалось, была так близка. У генерала А.Н. Куропаткина и многих старших начальников не было уверенности в победе, и многие из них не соответствовали своему назначению. В.П. Кравков в своем дневнике на этот счет указывает: “Куропаткина все больше и больше ругают военные, приписывая проигрыш настоящей кампании его безволию и нерешительности. В воздухе висит ругань, брань и осуждение по поводу нелепых “действий” наших крупных военачальников”¹⁹. Эта запись в дневнике В.П. Кравкова, на наш взгляд, является справедливой, ибо на протяжении всей войны главнокомандующий и его окружение допускали грубые ошибки. Но дело не только в безволии, но и в упадке духа у командования армией.

Официальные документы дополняют воспоминания В.П. Кравкова. В частности, об упадке духа А.Н. Куропаткина свидетельствует его телеграмма от 13 февраля 1905 г. императору Николаю II²⁰. В ней он указывает царю на то, что с присоединением к маршалу Ояме 3 японской армии Ноги соотношение сил для русских войск стало менее благоприятным и что мы не имеем достаточного превосходства в числе штыков. И если не будет усиления, то русская армия не сможет одержать победу. С таким низким духом у командования армией нельзя рассчитывать на победу.

Как это часто бывает, с проявлением героизма и высокого морального духа соседствуют негативные проявления морального духа. Особенно это ярко проявлялось среди офицерского состава. Так, среди офицеров довольно широко было распространено пьянство. В своей дневниковой записи от 15 ноября 1904 г. В.П. Кравков отмечает, что “в Нежинском полку среди офицеров идет сильное пьянство”²¹.

В архивных документах мы также находим информацию о пьянстве среди офицеров. Анализ дела “Канцелярии управления начальника военных сообщений Маньчжурской армии” позволил выявить 5 случаев пьянства среди офицеров и одного врача. Командование Маньчжурской армии всеми средствами пыталось бороться с пьянством, вплоть до высылки офицеров из армии за несоответствующее офицерскому достоинству поведение, а также в некоторых случаях за буйство²².

В казачьих частях с пьянством боролись другими методами. Правда, это было уже осенью 1905 г. Командир 10-го Оренбургского казачьего полка полковник Волжин единственный способ борьбы с пьянством видел в лишении пьяниц 75-рублевого пособия. Так он писал: “С пожалованием 75-рублевой дачки я, как предвидел, замечаю, что нижние чины стали скандальничать и

для сбережения денег готовы ходить, даже босы. Значит, дачка эта для них значит много”²³.

Другим негативным моментом являлось стремление офицеров эвакуироваться в тыл. К тому же героизм фронтового офицерства резко контрастировал с морально-психологической обстановкой в тылу. Наименее стойкие элементы офицерского корпуса, в мирные дни аттестовавшиеся “выдающимися”, сказывались контуженными в первом же бою и больше в полк не возвращались. Об этом в своем дневнике от 7 ноября 1904 г. пишет В.П. Кравков: “Смешно и досадно читать в газетах, будто бы больные офицеры наши умоляют скорее выписать их из госпиталей и безудержно рвутся в бой. Если есть таковые то разве только из молодежи, да и то в бесконечно малом проценте”²⁴.

С легкой руки участников войны появился термин “харбинизм”. Офицеры всеми правдами и неправдами старались эвакуироваться с помощью врачей в тыл. Так, врач В.П. Кравков свидетельствует: “Злобой вечера (1 декабря) в коллегияльном нашем собрании была сегодня вентиляция вопроса о частых заболеваниях офицеров “харбинизмом”, пристающих к врачам с просьбами об их эвакуировании в тыл; некоторые из таких “харбинистов” неискусно до смешного прибегают даже к симуляции”²⁵.

Как верно писал в своем труде А.А. Свечин, “японская армия обратилась в армию младенцев, с которой может справиться хороший конный отряд”²⁶. Поэтому многие офицеры частей, не подлежавших мобилизации, в первые дни войны с Японией подали рапорты об отправлении на театр военных действий и всерьез опасались “не успеть” на эту войну. У нас сложилось мнение, что многие офицеры шли на войну, чтобы получить награду (честолюбие), а также из слепого самолюбия. Но далеко не все офицеры были такими. Так, оренбургские казаки встретили известие о мобилизации с патриотическим подъемом. В частности, “добровольно отправилось на войну несколько казаков – георгиевских кавалеров. Назначение их было допущено во исполнение лично выраженного желания командующего Маньчжурской армией генерала Куропаткина, пожелавшего видеть в рядах казачьих полков своих бывших сослуживцев”²⁷.

Кроме того, анализ мемуаров генерала М.В. Алексева – в будущем одного из руководителей Белого движения, а в то время генерал-квартирмейстера 3-ей армии – подводит к некоторым итогам²⁸. В частности, генерал М.В. Алексеев разделяет пехотных и казачьих офицеров по степени морального состояния. Он считает, что высокой мораль была среди казачьих офицеров, так как их части находились в постоянном контакте

с противником и не теряли веры в себя и в успех. Совсем другими, по его мнению, были настроения среди пехоты, и её офицерский состав был далеким от идеала. Но нужно обратить внимание на то, что М.В. Алексеев писал об этом уже почти перед самым окончанием войны.

В ослаблении морального духа армии далеко не последнюю роль играл тыл. Непопулярность самого повода к войне заставила русское общество закрыть глаза на то, что лилось в армию: пресса, письма родных и т. д. – все это отнимало последнюю бодрость, веру в себя и в успех. Все это действовало деморализующим образом на русскую армию. Анализ мемуаров В.П. Кравкова и М.С. Галкина показывает, что они оба указывают на то, что в тылу офицеры ведут неподобающий образ жизни: пьянствуют, развратничают и скандалят²⁹. А вывод из этого может быть лишь один – у офицеров (по крайней мере, некоторой их части) не хватает воспитания и понятия “офицерское достоинство”.

Ни в одной из предыдущих войн так ярко не выступала узость и плачевность морально-психологической подготовки русской армии, как в русско-японской войне 1904-1905 годов. Война в Маньчжурии показала противоречивость русского национального характера: примеры высокого служения Отечеству, самопожертвования, храбрости и благородства соседствовали с низостью, предательством и трусостью.

Анализ документов РГВИА и ОР РГБ позволяет говорить о том, что зачастую наблюдается несоответствие данных официальных документов и воспоминаний участников войны. Кроме того, выявились противоречия в оценке морального состояния русской армии в воспоминаниях участников войны. Данная проблема исследовалась путем компаративного анализа различных воспоминаний между собой и официальных документов. В целом, моральный дух русской армии был довольно высок. Но зачастую войска действовали без веры в успех, а лишь во имя дол-

га и патриотизма. Присущая русскому войску личная доблесть и героизм нижних чинов и офицеров не изменили и на сей раз, но частные успехи в бою, стоившие обыкновенно больших потерь, не могли повлиять на общий ход кампании и на результат войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ РГВИА. Ф.487. Оп.1. Д.140. Л.10 об.
- ² Там же. Л.7 об.
- ³ Там же. Д.258. Л.390.
- ⁴ Подсчет по РГВИА Ф.846. Оп.16. Д.31414. Л.123-125, 130-132, 136-137, 147об-148об.
- ⁵ Там же. Ф.487. Оп. 1. Д.258. Л.297.
- ⁶ Там же. Ф.165. Оп.1. Д.1124. Л.2.; ОР РГБ Ф.140. Папка 1.ЕД.ХР.10. Л.3.
- ⁷ Там же. Д.1124. Л.2.
- ⁸ ОР РГБ Ф.140. Папка 1. Ед. хр. 10. ЛЛ.5,6.
- ⁹ РГВИА Ф.487. Оп.1. Д.619. Л.3.
- ¹⁰ ОР РГБ Ф.140. Папка 1. Ед. хр. 22. ЛЛ.9, 14; Папка 1. ЕД.ХР.25. Л.3.
- ¹¹ Там же. Ф.802. Картон 1. Ед. хр. 22. Л.39.
- ¹² Там же. Л.61.
- ¹³ Там же. Ф.140. Папка 1. Ед. хр. 26. Л.12.
- ¹⁴ Война с Японией. Официальные документы с 12 декабря до 12 января.// Военный сборник.1905. № 2. С.172.
- ¹⁵ ОР РГБ Ф.140. Папка 2. Ед. хр. 4. Л.1.
- ¹⁶ Там же. Папка 1. Ед. хр. 22; Папка 1. Ед. хр. 25.
- ¹⁷ РГВИА Ф.487. Описание 1. ДД.40, 41.
- ¹⁸ Там же. Д.40. ЛЛ.26, 30.
- ¹⁹ ОР РГБ Ф.140. Папка 2. Ед. хр. 11. Л.1; Папка 1. Ед. хр. 22. Л.14.
- ²⁰ РГВИА Ф.487. Описание 1. Д.40. Л.94.
- ²¹ ОР РГБ Ф.140. Папка 1. Ед. хр. 26. Л.1.
- ²² Подсчет по РГВИА Ф.487. Оп.1. Д.156. ЛЛ.105, 150, 176, 193, 197.
- ²³ Там же. Ф.846. Оп.16. Д.31415. Л.254.
- ²⁴ ОР РГБ Ф.140. Папка 1. Ед. хр. 25. Л.6.
- ²⁵ Там же. Ед. хр. 31. Л.6.
- ²⁶ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.,2002. С.705.
- ²⁷ РГВИА Ф.330. Оп.48. Д.682. Л.3.
- ²⁸ ОР РГБ Ф.855. Картон 1. ЕД.ХР.36. ЛЛ.3-3об.
- ²⁹ Там же. Ф.140. Папка 3. ЕД.ХР.9. Л.3.; Ф.802. Картон 1. ЕД.ХР.22. Л.17.

OFFICIAL AND PERSONAL ESTIMATIONS OF THE FIELD ARMY MORALE DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR

© 2009 S.S. Sherstnev

Volga Region State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara

In this article the author analyzes the morale of the Russian army in Manchuria during the Russo-Japanese War of 1904 -1905. The study of archival documents revealed certain differences between official documents and memoirs of the war participants. As a whole the morale of the Russian army was high enough. But frequently the troops operated without belief in success, out of the call of duty and patriotism only. Personal valour of the Russian army and heroism of soldiers and officers could not have changed the general course of the campaign.

Keywords: heroism, spiritual potential, memoirs, morale, patriotism, the Russo-Japanese War.